

## ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ «ИМИДЖ-ТРЕНИНГЕ»

Н.В. Писаренко (Томск)

**Аннотация.** Обосновывается актуальность проведения социально-психологической практики самоидентификации в студенческой среде. Рассматривается методология проведения «Имидж-тренинга» в рамках диалоговой антропологической парадигмы. Анализируется опыт самоидентификации участников тренинга в контексте феноменологического метода психологического исследования.

**Ключевые слова:** самоопределение, самоидентификация, самопрезентация юношества, диалог, феноменологический подход.

Тематика личностного самоопределения – термин отечественной психологической науки [2, 4, 12, 22, 27, 33] и самоидентификации – понятие, пришедшее в Россию вместе с западными исследованиями [6, 7, 14, 23, 24, 31, 36, 38], относится к числу традиционных для развивающихся образовательных практик вуза. Однако конкретные психологические практики по-разному оценивают реализацию проблемы самоопределения юношества в условиях «социального моратория».

Э. Эриксон (1968), придавший проблеме идентичности индивидуума подлинно научный статус, понимал её как динамическое, социально-психологическое образование. Он обосновывал идею о постоянном, непрекращающемся развитии «Я». Наибольшее значение процесс формирования идентичности имеет на стадии становления личности, а именно в подростковом и юношеском возрасте, хотя задача построения идентичности никогда не бывает решена окончательно: «Я» не бывает полностью защищено от регрессивных тенденций, как и от событий, их вызывающих, – скорби, неудачи, ссор» [20. С. 135].

Для каждого нового поколения студенчества вопросы: Кто Я? Где Я? Откуда Я? Какой Я? являются актуальными и нуждаются в профессиональной психологической проработке.

В данной статье речь пойдёт об исследовании феноменологического характера рефлексивного опыта участников социально-психологического «Имидж-тренинга». Несмотря на то, что данный тренинг, по определению, направлен на групповой анализ очевидных самопрезентационных аспектов личности в социальной коммуникации [1. С. 32], всё же основной целью практики явилось косвенное и деликатное выявление уникальных внутриличностных аспектов «Я – для себя», каковые, по Э. Эриксону, являются структурной частью психосоциальной идентичности субъекта, опосредованной символическим выражением в личностной структуре «Я – для других».

Данный тренинг «самопознания» и «самоопределения» проводился в рамках «диалоговой» антропологической парадигмы исследовательской методологии. Собственно философия «диалога» оформляется в направлении постмодернизма [17, 18, 19, 21, 25], предполагающего, что путь к познанию личностного «Я» человека лежит через «Другого». Основания постмодернистского подхода были найдены в феномене обще-

ния, диалога, коммуникации в экзистенциальном смысле Встречи и Взаимодействия. Экзистенциальный аналитик М. Хайдеггер (1997) представлял бытие «Я» как «со-бытие», или «бытие-в-мире», что является принципиально коммуникативным по своей сути: «бытие-с-Другим». В заданном контексте фигура Другого оказывается для философии постмодернизма конституирующе значимой. Ж.П. Сартр (1989), философ экзистенциальной ориентации, так разворачивает эту мысль: «Человек, постигающий себя через *cogito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом – как условие своего собственного существования. Он отдаёт себе отчёт в том, что не может быть *каким-нибудь* (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же как и для моего самопознания... Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью» [30. С. 336]. Ещё один философ, теолог-диалогист М. Бубер (1999), в своих работах «Я и Ты», «Диалог» проводит ту же мысль, когда подчёркивает, что в целом Я – не есть субстанциональная данность, она конституируется лишь в качестве «отношения с Ты». Следовательно, «Я» рождается из «Ты». Он пишет: «Отношение – есть взаимность. Цель отношения есть его собственная сущность, т.е. прикосновение Ты» [10. С. 69, 34]. По М. Буберу, «опыт Ты» является основополагающим для становления аутентичного «Я»: «Всякая действительная жизнь – есть встреча» [10. С. 31].

Философ-культуролог М.М. Бахтин (1997) определял Диалог как сотворчество понимающих. Другие экзистенциально-ориентированные философы постмодернизма также рассматривали данную идею, хотя каждый в собственном дискурсе: Г. Гадамер (1988): «На самом дне Другого – как финал и результат коммуникации – субъект обретает самого себя»; Ж. Лакан (1997): «Сам Другой конституируется в этом контексте как собственное бессознательное».

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в постнеклассической парадигме путь к обретению «самого себя подлинного» лежит через экзистенциальную Встречу и Взаимодействие с Другим.

Тренинг ответственной самоидентификации проводился не только в методологических рамках «Диалога –

Встречи» как экзистенциально-ориентированной коммуникации [9, 10], но и посредством диалога – социальной коммуникации и перцепции [3]. Диалог шел в основном относительно личностного образа участников тренинга, передаваемого через внешние проявления: мимику, кинетику, одежду, причёску, макияж, манеру говорить, интонацию и тембр голоса, индивидуальные модели представления себя в ходе самопрезентации. Но таким опосредованным способом прорабатывались идентификационный и бытийный аспекты существования личности.

Каким же образом переживался «опыт ответственной самоидентификации» участниками тренинга? Несмотря на внешнюю «лёгкость» коммуникации в группе, данная тренинговая работа породила глубинные эмоциональные переживания её участников. Проведём феноменологический анализ [13, 28, 35, 37] некоторых рефлексивных самоотчётов участников группового опыта, позволяющий выявить феноменологию внутриличностного психического опыта, стоящую за явленной очевидностью.

Студентка О.Г. пишет: «Изначально выйти на аудиторию было страшно. Это был страх, перемешанный с сильным желанием этого. Страшно оказаться перед всеми, а не среди всех, как всегда, занять позицию стороннюю, видеть всех перед собой, а себя чувствовать отдельно от них. Страшно ещё и потому, что ты живешь с выношенным годами представлением о себе, возможно, представлением скорее идеальным, чем реальным. И это представление может быть нарушено здесь и сейчас чьим-либо словом, которое ты никогда не соотносил с собой. Было страшно решиться. Но когда решение было принято и я сделала шаг, то почувствовала, что моя уязвимость превращается в открытость, открытость новому опыту – принятия Другого как части себя... (курсив мой. – Н.П.). Когда мои представления о себе совпадали с представлениями других, это наполняло меня чувством уверенности: мой образ себя – не просто моя фантазия, он наполнен моими сущностными характеристиками, которые выражаются в моей внешности и познаются другими. Любая же неожиданная ассоциация, идея «поглощается» мной, наполняет меня, и я понимаю, что это тоже часть моего Я... И я не просто осознаю, что обладаю теми или иными качествами, я их чувствую, и их чувствуют другие».

Таким образом, пережив страх перед разрушением Я-концепции, О.Г. всё же открылась опыту присутствия и не только укрепила, но и расширила представления о себе, своей индивидуальности через Другого.

Участница тренинга С.Я. отмечает: «Я была вовлечена и заинтересована происходящим... так как встречи строились на обратной связи и внимание уделялось каждому участнику... Я узнала много неожиданных для себя вещей: например, что другие воспринимают меня иначе, чем я сама, и при этом их восприятие, так же как и моё, отражает мой внутренний мир, мою сущность. Причём открытием для меня стало то, что я не ценю и

даже пытаюсь изменить в себе то, что другие стремятся приобрести. Я поняла, что нужно видеть и ценить свои сильные стороны, опираться на них... принимать себя таким, какой ты есть, а не пытаться гнаться за тем, чего у тебя нет, теряя индивидуальность».

Так С.Я. в ходе «ответственного» опыта приняла уникальность своего «Я». Такие переживания были характерны для многих участников, поэтому их, по нашему мнению, можно назвать универсальными для данной групповой работы.

Приведём подобный пример опыта Л.И.: «На тренинге я стала осознавать, как много передаётся посредством внешнего. Все качества, которые мне присвоила группа, мне присущи. И я стала понимать, как моя внешность передаёт моё эмоциональное состояние, мой внутренний мир. После этого у меня появилось больше уверенности в себе, я пережила эмоциональный подъём, поднялось настроение».

В данном отчёте подмечено также чувство радости от переживания своей уникальности в опыте присутствия.

Познание и принятие себя через Другого в опыте присутствия описывает другая участница тренинга, автор анонимного отчёта: «Особенно яркими были переживания, связанные с «ассоциациями» по внешнему виду и по голосу. Это открыло для меня то, что другие смотрят на меня и смотрят внимательно. Оказывается, «твой вид» наталкивает на такие «бытийные образы», которые вызывают сильный эмоциональный отклик. Я знала этот набор и раньше, но то, что его проговаривали другие люди, было новостью... Это странным образом изменило моё отношение к своему внешнему виду. Мне стало ясно, что я отрицаю, не признаю, подавляю именно свои положительные образы, считая их самым большим своим недоразумением. Особенной ценностью было услышать это подтверждение от людей, отношения с которыми конфликтные либо их нет вообще. Удивляет точность ассоциаций, которая свидетельствует о внимательном наблюдении».

Переживание Встречи с собой через «ответы» Других ярко описывают студентки А.Ж., О.Д. и Н.К.

А.Ж.: «Глубокие переживания возникли у меня, когда однокурсники попытались посмотреть на меня «изнутри». Я полагала, что так, как я сама, меня никто не знает. Удивило, насколько меня прочувствовали. Были неожиданные, но только положительные эмоции».

О.Д.: «Тренинг позволил мне выяснить, как меня воспринимают окружающие. Раньше мне казалось, что некоторым однокурсникам свойственно не понимать истинную природу и состояние души окружающих (в частности, меня). И было приятно узнать, что люди воспринимают меня именно такой, какая я есть, какой я себя чувствую, какой хочу быть. Что не только близкие люди видят во мне что-то отличительное, свойственное только мне, но и другие окружающие дают те же характеристики. Я поняла, что не надо как-то ухитряться, чтобы окружающие почувствовали меня, – люди итак чув-

кие. Я разрешила проблему «преподношения» себя... Люди понимают, где я играю роль, а где я сама по себе. И не надо вести себя как-то искусственно, что-то усложнять, становиться более сдержанной и серьёзной – это буду не Я».

Рефлексивные отчёты студентов Н.К. и А.Г. позволяют сделать вывод, что опыт присутствия отбрасывает «клише» самовосприятия и восприятия этого человека другими. Можно сказать, что таким путем преодолевается синдром перцептуальной ригидности [8, 16] в социальных взаимоотношениях.

Обратимся к описанию опыта Н.К.: «Я не предполагала, что работа с собственным имиджем может быть настолько глубокой. На личном опыте я убедилась в том, что внутреннее проявляется через образ вовне и работа над «фасадом» стимулирует внутреннее развитие. К практическим занятиям я приступила в состоянии некоторой растерянности, разбросанности, неопределённости. По ходу тренинга глубинные, неясные процессы внутренней жизни (я находилась в поиске), начали приобретать более четкие формы, многое становилось ясным, я обрела себя целостную, немного иную... Вовлечённость всей группы, взаимная работа позволили мне без боязни разглядеть себя обновлённую, повзрослевшую, принять себя такой и выразить. Данная работа явилась стимулом к самосозиданию... Были отброшены «клише» того, как меня воспринимают окружающие, и того, какими я вижу многих. Удивительные открытия сменялись осознанием того, что эта не проявлявшаяся до сих пор черта присутствовала в человеке всегда, хотя бы в качестве задатка».

А.Г. переживает Встречу с Собой и Другими в ходе тренинга следующим образом: «Я впервые смотрел на людей, которых знал уже давно, о которых у меня сложилось определённое впечатление, и видел то, что не согласовывалось или даже противоречило моим представлениям о них. Причём эти «новые для меня» черты лежали на поверхности; чтобы их заметить, даже не нужно было, чтобы человек что-то говорил или делал. Возникшее сомнение (чему верить – тому, что я знаю, или тому, что я вижу?) сменялось чувством вины за свои предубеждения. Появились возможность и желание понять человека – тонко, интуитивно, а не оценить его, загнать его в рамки (своих представлений. – Н.П.). Что касается меня, то первоначально описания другими меня «проходили отбор»: всё то, что «грело меня», нравилось мне, я принимал; всё то, что не соответствовало моему представлению о себе, вызывало протест, критику по отношению к авторам этих строк, обиду... Но вдруг это отвержение нового сменялось желанием услышать новое, примерить его на себя, почувствовать в себе и только потом согласиться с ним или отказаться... Изменилось и моё отношение к группе: прежние симпатии и антипатии перестали действовать, появились уверенность в искренности группы, близость, доверие и благодарность к ней... И те однокурсники, которые каза-

лись мне неинтересными, скучными, на тренинге открылись для меня с новой, неизвестной стороны...»

Таким образом, в диалогических «Я–Ты отношениях» идентификационное и бытийное переживание «Я–есть» пробуждает переживание «Ты–есть», как, впрочем, и наоборот.

Студент А.М. так описывает свои идентификационные и бытийные переживания: «На тренинге не было нужды играть и можно было что-то узнать о себе, а это интригует и даже пугает... В целом из названных образов большинство уже были мне известны... И всё же было приятно услышать это. Я ничего заранее не ожидал, готовился к неизведанному, неизвестному, а нашел то, что уже было во мне (или на мне?)... Когда нужно было себя как-то предъявить, я открыто сказал, что я чувствую сейчас, что я «никакой», и не хочу играть, что я растерян. Я говорил то, что я был. Если честно, я плохо помню, каким я тогда был: я вышел за грани себя (хочется добавить – «осознаваемого». – Н.П.). Потом я чувствовал, что сделал глупость. Мне казалось, что всё, что я говорил и делал, было чистым сумасшествием. Я не ожидал, что это так многих заденет за живое... После у меня возникло такое чувство, что мне должно быть плохо от того, что я сделал... Но неожиданно пришло осознание, что мне не плохо, и вообще не было никаких потерь энергии. Теперь понимаю, что энергии во мне полно. Она просто связана по большей части. Так как, освободись, она разрушила бы образ «Я» и представления о себе, закреплённые и самообновляемые...».

В данном случае А.М. очень ярко описывает переживание опыта «Я–есть». Причём опыт обнаженности одного провоцирует к обнаженности и искренности в самовыражении других – «трогает за живое». И это, как видим, не приводит к потере жизненной энергии, хотя предполагается саморастрата. Получается, что опыт присутствия прибавляет не только жизненных сил, прибавляется время жизни [29].

Свой идентификационный и бытийный опыт, полученный в ходе Я–Ты Диалога, так описывает студент А.Б.: «Когда слушал образы-ассоциации, касающиеся меня, то чувствовал себя прекрасно, люблю быть в центре внимания, когда там «не сильно ярко». Большинство образов, называемых ребятами, я, так или иначе, переживал... Но был удивлён тем, как это ребята «считывали» то, что я о себе воображал, но никому об этом не рассказывал... Когда нужно было представить себя, я по-настоящему запутался... Всё, что говорили обо мне, я знаю, – это всё я. Тогда нужно сделать что-нибудь другое, новое, ощутить себя по-другому. В итоге я показал не себя и потом чувствовал себя помятым и разбитым весь оставшийся день. Сейчас я понимаю, что надо быть иным, чем ты есть, но становиться «новым» не на пустом месте, меняясь ни с того, ни с сего. Нужно быть собой и в то же время меняться. Изменяться как пища, в которую при варке кладут то одно, то другое, до полной готовности. Но из салата пловом не

станешь... Теперь я ощущаю границы себя, и не нужно искать себе новые, пока в старых не стало тесно... Я не принял ещё «свой дом», а хочу уже в «новый», не познал всё «в первом классе», а хочу «во второй», не использовал все шансы в этой «игре», а тороплюсь к следующей...».

Здесь А.Б. описывает состояние «разбитости» от переживания «НЕ-Я». Получается, что опыт «НЕ-Я» ведёт к экзистенциальной смерти, хотя социальное существование продолжается.

Очень ярко иллюстрирует переживание «Я-есть» в опыте присутствия студентка А.К.: «В процессе тренинга я почувствовала, как нечто изменяется во мне. Вслед за этим изменилось и моё отношение к миру... У меня появилось чувство того, что каждый момент жизни уникален, его невозможно будет прожить ещё раз. Я почувствовала, что если я сейчас чего-то не увижу, то таким я не увижу это нечто никогда. У меня появилось ощущение себя, своей уникальности... Появилось ощущение подлинности восприятия меня другими. От этой подлинности я почувствовала тепло и какую-то невидимую связь с окружающими меня, с прошлым, будущим и настоящим, ощущение открытости новому, новым переживаниям, ощущение свободы и безграничности от того, что я не только то, что есть здесь и сейчас, а я – это ещё и мой образ, то, что было когда-то давно и несколько минут назад, и то, что будет скоро или нет... Этот образ я бы и назвала имиджем, образ, через который я передаю что-то о себе в окружающий мир».

Интересны переживания О.С., у которой опыт присутствия разрешил представления о саморазвитии как о необратимом прогрессивном процессе и поставил экзистенциальную задачу постоянного «создания себя» в пространстве и времени. Вот что она пишет: «Благодаря тренингу я осознала, что все мои представления о своём саморазвитии являются только иллюзией. Мне казалось, что я преодолеваю свои комплексы, иду вперёд, а оказалось, что я «топчусь на одном месте» и занимаюсь самообманом. Мои проблемы с самопринятием, самопрезентацией, с «умением вести себя в центре внимания» как были, так и остались... Большим толчком к осознанию своего «амёбного» положения послужило упражнение на самопрезентацию, в котором я отказалась принимать активное участие. Этот отказ я за-

тем сильно переживала, потому что вновь почувствовала себя «отщепенкой», я словно оказалась «за бортом корабля». Горечь, негодование, злость по отношению к себе – всё это я уже испытывала в один из сложных периодов моей жизни. Это было, когда я поступала в вуз. Я вдруг осознала, что остаюсь всё той же 17-летней абитуриенткой с многочисленными комплексами. Весь этот процесс проходил для меня болезненно. Я закрылась и варилась в этих переживаниях несколько дней. Но опыт не прошёл для меня бесследно. Если раньше я всё время жила в режиме ожидания, то теперь стремлюсь жить «здесь и сейчас».

Здесь О.С. вскрыла проблему жизненного сценария многих учащихся: «жизнь как подготовка к жизни» один из вариантов невротического существования, где нет места феномену «Я-есть» [15].

И последний, по нашему мнению, заслуживающий пристального внимания рефлексивный отчёт А.Т. свидетельствует о том, что ответственная самоидентификация в опыте присутствия помогает человеку принимать свою индивидуальность и выражать её в дальнейшей социальной коммуникации. Он как бы получает разрешение у окружающих – быть тем, кем «в тайне» себя чувствует.

«Часто в жизни нет пространства и времени, когда у других можно спросить: «Кто я для тебя? Как ты меня видишь, чувствуешь, понимаешь?» – пишет А.Т. – Здесь эта возможность появилась, более того, ответы были получены. Благодаря такому совместному бытию, обратной связи, атмосфере доверия, интимности, комфорту я осознала собственную индивидуальность. Позже пришло понимание – вот оно, чем я отличаюсь от других. Принятие в себя этих образов – это и принятие ответственности «за такую себя»... Я чувствую себя уверенной, свободной, взрослеющей и счастливой. И ещё, появилось ощущение простоты, естественности и природности. Уникальность этого опыта для меня в его «незавершенности» – он не ограничивает, а позволяет, даже обязывает к развитию, к движению».

Анализ рефлексивных самоотчётов, таким образом, показывает, что, действительно, опыт ответственной самоидентификации высвечивает психический феномен «Я-есть». Человек в этом опыте явственно переживает свою уникальность – «Я» и факт своего экзистенциального присутствия – «Есть».

## Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алтейя, 1999. 272 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности. М., 1999. 145 с.
3. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Смысл, 2002. 416 с.
5. Бахтин М.М. Диалог // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские Словари, 1997. Т. 5. С. 207–208.
6. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 414 с.
7. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3(19). С. 140–147.
8. Бразье Д., Бич К. Феноменологическая мультимедийная терапия // Инновационная психотерапия / Под ред. Д. Джоунса. СПб.: Питер, 2001. С. 238–262.
9. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения: уроки Джеймса Бюдженала. М.: Смысл, 2001. 197 с.
10. Бубер М. Два образа веры. М.: Изд-во АСТ, 1999. 592 с.

11. Гадамер Г. Истина и метод. М., 1988. 560 с.
12. Гинзбург М.Р. Психология личностного самоопределения: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996. 60 с.
13. Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. 164 с.
14. Джемс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М.: Педагогика, 1980. 367 с.
15. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН, 2000. 135 с.
16. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993. 272 с.
17. Ильин И.П. Постмодернизм. От истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
18. Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 27–38.
19. Кандо Т. Постмодернизм: старое вино в новых мехах? // Рубежи. 1997. № 10/11. С. 24–31.
20. Кле М. Психология подростка. М., 1991. С. 135.
21. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. 240 с.
22. Кон И.С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984. 333 с.
23. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
24. Кун М., Макпартланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 180–187.
25. Кутырев В.А. Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 27–39.
26. Лакан Ж. Понятие «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Логос, 1997. 520 с.
27. Леонтьев Д.А. Я – последняя инстанция в личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 377–380.
28. Олишевский С.Е. Гуманистическая психология и феноменологический подход // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 55–66.
29. Розентток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 608 с.
30. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
31. Соколова Е.Т. Общая психотерапия. М.: Тривола, 2001. 304 с.
32. Соколова-Бауш Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте // Мир психологии. 1999. № 3(19). С. 132–139.
33. Столин В.В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 284 с.
34. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 410 с.
35. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
36. Erikson E.H. Identity, Youth and Crisis. L.: Faber and Faber, 1968, New York: Norton. 336 p.
37. Giorgi A. Phenomenology, Psychological Science, and Common Sense // Everyday Understanding: Social & Scientific Implications / G. Semin, K. Gergen (ed.). London: Sage, 1990.
38. Mead G.H. Mind, Self and Society / Ed. By C.W. Morris. Chicago Press, Univ. of Chicago. 248 p.

**PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE STUDENT'S SELF-IDENTIFICATION  
IN THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL «IMAGE-TRAINING»  
N.V. Pisarenko (Tomsk)**

**Summary.** The actuality of the realization of the social-psychological practice of self-identification in the student's sphere is substantiated. The methodology of the realization of the «Image-training» within the dialogic anthropological paradigm is considered. The experience of the training participants in the context of the phenomenological method in psychological research is analyzed.

**Key words:** Self-determination, self-identification, self-presentation adolescence, Dialogue, phenomenological approach.